

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Ма Сяньфэй

**СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОСАДКАХ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель: **Селиверстова Елена Ивановна**
доктор филологических наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Официальные оппоненты: **Сидоренко Константин Павлович**
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»

Николаева Елена Каировна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка
и предвузовской подготовки
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гидрометеорологический университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Защита состоится «14» июня 2018 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 232. 18. по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте <https://disser.spbu.ru/disser/dissertatsii-dopushchennye-k-zashchite-i-svedeniya-o-zashchite/form/12/1696.html>

Автореферат разослан «   » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к. ф. н., доцент

С. В. Вяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Человек, осваивая мир и познавая его с помощью языка, разделяет и принятую в данном языковом сообществе и выражаемую в языке единую систему взглядов – так называемую языковую картину мира. Изучение языковой картины мира, т.е. совокупности знаний о нем, отраженных в языке, – одно из наиболее востребованных научных направлений современной лингвистики. Обращение к языковой картине мира осуществляется как в рамках изучения национальной концептосферы, составляющими которых являются концепты, а языковые знаки в этом случае представляют собой средство их постижения, так и в рамках лингвокультурологии – при раскрытии сформировавшихся в культуре этномаркированных стереотипных представлений, общих для коллективного носителя языка (в работах Н.Ф. Алефиренко, Е. Бартминьского, С.Г. Воркачева, Е.И. Зиновьевой, В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, О.А. Корнилова, В.В. Красных, А.Д. Шмелева и др.).

Итак, стереотипные представления как участвующие в отражении определённого фрагмента языковой картины мира являются важным элементом нашего исследования, операциональной единицей, которой мы пользуемся для направленного выявления национально-культурной специфики языка.

Живя в природе, человек не может не воспринимать и не осмысливать различные ее проявления – в этом состоит во многом его когнитивная деятельность. Наблюдая и осмысляя социальные, психические, бытовые, космические и др. явления, связанные с разными аспектами материальной и духовной жизни, человек выделяет и метеорологические явления [М.В. Пименова, 2005], о чем свидетельствует объем представленных в русском языке и отражающих эти явления устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, сравнений.

Как следствие повседневных наблюдений в языке появляются не только прямые номинации наблюдаемых осадков (града, снега, дождя, мороси и др.), но и проведение аналогий между явлениями природы и жизнью и деятельностью человека, что фиксируется выражениями *появиться как дождь*; (свалился кто-л.) *как снег на голову*; *попасть из дождя в воду*; *Коли в мае дождь, будет и рожь*; *Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет*; *В дождь крышу не кроют, а в ведро сама не каплет* и т. д.

Внимание исследователей к явлениям природы, участвующим в

жизнедеятельности человека – растительному и животному миру, воде и водным явлениям, небу и небесным светилам, временам года и т. д., – свидетельствует об **актуальности** их изучения, о возможности познания специфики национального видения мира через анализ отражаемых различными языковыми единицами стереотипных представлений. Интерес к этой проблематике проявляют многие ученые: Н.И. Маругина и Д.А. Ламинская, А. Мазурик, В.И. Драчук, Л.Н. Гукова, Н.Ю. Перфильева, А.А. Рольгайзер, Р.Х. Хайруллина, Цзу Сюецин и др.

Система устойчивых словесных комплексов – сравнений, фразеологизмов, пословиц – является важным средством представления особенностей национальной лингвокультуры. Эта система универсальна с точки зрения межнациональной логики познания и уникальна – с точки зрения дискурсивного пространства определенного этноса [Л.Г. Золотых, 2013]. Между тем пласт устойчивых единиц русского языка, способных репрезентировать культурно значимые элементы менталитета народа, связанные с метеорологическими явлениями, важными среди которых являются осадки, является недостаточно изученным.

В наши дни описание единиц языка как средства отражения национально-маркированных сведений, фиксируемых русским языком, во многом поддерживается исследованиями сопоставительного характера, выявляющими особенности культурно-национальных эталонов и стереотипов на материале самых разных пар языков [Алешин 2010, Ани Рахмат 2013, Бредис 2017, Иванова 2002, Кузнецова, Лукина 2016; Ле Минь Нгок 2011 и др.], в том числе с привлечением материала китайского языка [Лиин Юань 2016, Пи Цзянкунь 2014; Просвирнина, Шао Жуй 2013; У Вэй 2012, Цзу Сюецин 2009, Юй Фэнин 2016 и др.].

Таким образом, **новизна** нашего исследования определяется тем, что анализа и описания стереотипных представлений о всех трех основных видах осадков: дожде, снеге и граде, – сформировавшихся в национальном сознании и отразившихся в устойчивых выражениях и в современном дискурсе носителей русского языка, на фоне китайского языка, по нашим данным, до сих пор не проводилось. В работе последовательно приводятся связанные с отдельными видами осадков признаки и ассоциации, вербализуемые средствами устойчивых выражений, с одной стороны, и иными языковыми средствами, репрезентируемыми образцами современного

дискурса, – с другой.

В данной работе мы опираемся на опыт теоретической разработки лингвокультурологии и практический опыт в области когнитивных и лингвокультурологических исследований таких учёных, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицка, Е.И. Зиновьева, Е.В. Иванова, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Г.А. Токарев, С.Г. Тер-Минасова, Е.С. Яковлева и др.

Гипотеза исследования: лингвокультурологический подход к устойчивым сочетаниям русского языка и явлениям современного дискурса носителей русского языка, демонстрирующим вербализацию стереотипных представлений об осадках, и их исследование на фоне аналогичного китайского материала позволит выявить особенности универсального и национально-специфического в осмыслении важного фрагмента языковой картины мира.

Объектом исследования являются, во-первых, русские и китайские устойчивые выражения различного лингвистического статуса с компонентами *снег, дождь, град* и, во-вторых, контексты национальных корпусов русского и китайского языков, участвующие в репрезентации представлений об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской.

Предмет исследования – содержание отражающихся в русском языке стереотипных представлений об осадках (дожде, снеге, граде), рассматриваемых на фоне китайского языка, степень их общности или национально-культурной специфичности.

Целью нашей работы является изучение системы признаков, охватываемых стереотипными представлениями об основных видах осадков, отразившимися в русском языковом материале – на фоне аналогичного материала китайского языка, и выявление как общности наблюдений в двух языках и культурах, так и их национально-культурного своеобразия в каждом из языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) познакомиться с исследованиями, составляющими теоретическую базу данной работы;
- 2) выявить семантику ключевых слов (*осадки, дождь, снег, град*) в русском языке и выбрать ориентиры для отбора устойчивых словосочетаний и их

семантического и лингвокультурологического анализа;

- 3) отобрать массив устойчивых единиц, репрезентирующих стереотипные представления о дожде, снеге и граде в русском и китайском языках;
- 4) проанализировать контексты из Национальных корпусов русского и китайского языков, содержательно связанные с предметной областью, включающей осадки в виде снега, дождя и града;
- 5) выявить и классифицировать стереотипные представления об отдельных видах осадков, отразившиеся в лексикографических источниках и речевом дискурсе, характерном для носителей каждого из языков;
- 6) выделить отраженную в устойчивых выражениях лингвокультурную информацию, установить культурно-национальные особенности в массиве стереотипных представлений о дожде, снеге и граде в русском языке на фоне китайского, а также универсальные признаки и представления, общие для двух языков.

Для реализации поставленных задач в исследовании используются следующие **методы**: прием сплошной выборки из сборников пословиц, поговорок и сравнений, применяемый для определения корпуса устойчивых выражений в русском и китайском языках; метод семантического анализа (по данным словарей); метод компонентного, дистрибутивного и контекстологического анализа; метод лингвокультурологического анализа, позволяющий выявить универсальное и национально-специфичное в языках и культурах; сопоставительный и описательный методы; приём оценочно-стилистической и частотно-количественной характеристики.

Материал составляют устойчивые выражения – фразеологизмы, сравнения и пословицы, почерпнутые методом сплошной выборки из Большого словаря русских пословиц (2010), Большого словаря русских народных сравнений (2008), сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля (1984), методом направленной выборки – из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (2011) и китайских толковых, двуязычных и фразеологических словарей, отражающих видение мира многими поколениями носителей китайского языка. Всего в работе привлечено к анализу 287 русских и 234 китайских устойчивых выражения, данные 650 контекстов из «Национального корпуса русского языка» и 520 контекстов «Национального

корпуса китайского языка». Обращение к национальным корпусам русского и китайского языков дало возможность наблюдения актуальных представлений в сегодняшнем сознании носителей русского и китайского языков.

Теоретическая ценность работы видится в выявлении совокупности представлений о значимых для русской и китайской ментальности явлениях природы и приоритетных для каждой из лингвокультур признаков, ассоциируемых с отдельными типами осадков и отражающих как прагматические наблюдения, так и векторы их поэтического осмысления; в определении степени актуальности представлений, вербализованных устойчивыми выражениями двух языков, для современных носителей русских и китайских культур и языков; в выяснении экстралингвистических факторов, способствующих появлению специфических образов устойчивых выражений.

Практическая значимость работы видится в возможности использования ее результатов в рамках преподаваемых дисциплин – лингвокультурологии, фразеологии, лексикологии, межкультурной коммуникации, перевода. Сделанные наблюдения и материал могут также найти применение в лексикографической практике.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Значительный объем стереотипных представлений о трех типах осадков, выявленных на материале зафиксированных словарями устойчивых выражений разного лингвистического статуса и речевого дискурса, свидетельствует об их важности для носителей двух культур и языков.
2. Векторы осмысления в обеих культурах анализируемых типов осадков позволяют говорить о значительно более широком спектре ассоциаций, реализуемых носителями языка в литературной и речевой практике, нежели зафиксированные лексикографическими источниками.
3. Отдельные типы осадков – *снег, дождь и град*, обнаруживающие много общего в своей естественной природе и ее проявлениях, представляются – при известной доле общего в их видении – разными в их ментально-культурном осмыслении.
4. Значительное многообразие ассоциаций, связанных с дождем и снегом, по сравнению с представлениями о граде можно объяснить экстралингвистическими

факторами – различиями в продолжительности и частотности наблюдаемых в жизни явлений, спектром их свойств и реальной утилитарной оценкой говорящими.

5. Представления об отдельных видах осадков образуют в каждой из культур систему признаков, актуализируемых говорящими, и складываются как из практических наблюдений за реальными природными явлениями, так и из связанных с ними ассоциаций, формирующих метафорическое восприятие, соотнесение с миром эмоций.
6. Стереотипные представления об осадках в двух культурах и языках имеют много общего – особенно этой очевидно в отношении наиболее частотных признаков, отмечаемых говорящими. Тем не менее в результате сопоставления данных возможно выявление этномаркированных представлений, связанных с особенностями быта конкретного этноса, его традициями, условиями формирования ментальности. В русских устойчивых выражениях ощутима прагматичность, утилитарный подход и оценка анализируемых погодных явлений. В китайском же материале по сравнению с русским в большей степени проявляется связь сложившихся фразеологизмов с мифами и легендами, с традицией поэтизированного восприятия природы.
7. Массив устойчивых выражений, используемых современными носителями языка, с одной стороны, значительно сужается – в силу причин экстралингвистического характера, а с другой – пополняется новыми выражениями, актуализирующими отмеченные ранее признаки в новом семантическом направлении.

Результаты исследования прошли **апробацию** на международных и всероссийских конференциях: «XXII Международной научно-методической конференции» (2017 г., СПб.), «XLVI Международной филологической конференции» (2017 г., СПб.), «Международной фразеологической конференции “имена и фразеология”» (2017 г., Скопье), «I Международном лингвистическом симпозиуме “Язык, культура, этнос”» (2017 г., Бишкек), «13th World Congress of Semiotics» (2017 г., Каунас), XXVII Международной научной конференции «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества» (2017 г., СПб.), «XLVII Международной

филологической конференции» (2018 г., СПб.). Ход исследования и его результаты обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ (2015-2018) и на фразеологическом семинаре при Межкафедральном словарном кабинете СПбГУ (2017). По теме диссертации опубликовано 6 работ, из них в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, – 3.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего наименование 178 научных исследований, и четырех Приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы работы, определяются цель и задачи диссертационного исследования, указываются научная новизна и теоретическая и практическая значимость диссертации, формулируются гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту, конкретизируются объект и предмет исследования, представляется структура диссертации.

В первой главе **«Теоретические основы изучения одного языка на фоне другого в аспекте выявления этномаркированных особенностей языка и культуры»** рассматриваются такие вопросы как сущность и предмет лингвокультурологии и ее место среди других дисциплин, единицы изучения в лингвокультурологии и их терминологическое содержание, языковая картина мира и фразеологическая картина мира, роль устойчивых единиц в отражении мировосприятия, характерного для представителей определенных культуры и языка.

Актуальность *лингвокультурологии* как науки объясняется учеными способностью человека – в отличие от всех других существ – обладать культурой, которая зародилась и утвердилась с накоплением знаний в человеческом обществе. Возможность частых контактов носителей разных культур и языков также усиливает важность способов и средств оптимизации межкультурной коммуникации. Изучаемый язык другой страны способен приоткрыть образ мыслей его носителей, систему взглядов на окружающий мир и шкалу ценностей народа. Язык является, по В.А. Масловой, средством «накопления и хранения культурно-значимой информации», особым, словесным, способом представления мира.

Хотя познание культуры через язык – задача не из легких, поскольку

культурное содержание языковых форм не лежит на поверхности, а постигается в результате скрупулезного анализа, исследование отношений культуры и языка в науке весьма востребовано, а эффективность метода изучения культуры через язык доказывается изысканиями ученых в лингвострановедении, этнолингвистике, лингвокультурологии, интерпретирующих культурно значимую информацию, заключенную в языковых единицах.

Роль языка в аспекте лингвокультурологии определяется следующим образом: это изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах и тем самым хранит и транслирует культуру [Маслова 2001: 35]. Признавая несомненную взаимосвязь языка, мышления и культуры, С.Г. Тер-Минасова пишет, что все вместе «они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его видение и отношение к нему» [Тер-Минасова 2008: 24]. В.В. Красных указывает на непосредственную связь «с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12]. Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков говорят о возможности такого описания объектов изучения в рамках лингвокультурологии, которое полностью раскрывает значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка [Зиновьева, Юрков 2009: 15].

В качестве *единиц изучения в аспекте лингвокультурологии* в трудах исследователей выступают явления, терминологически именуемые как *лингвокультурема, логоэпистема, концепт, стереотипное представление, прототип, символ, эталон, код культуры, прецедентный феномен, культурный смысл* [Воробьёв 1997; Верещагин, Костомаров 2005; Воркачëв 2001, Красных 2002, 2005; Ковшова 2007, Колесов 1999, Караулов 1987, Сорокин 1993, Юань Лиин 2016] и др. В данной работе мы будем оперировать терминами «стереотипное представление» и «лингвокультурная установка».

Важность стереотипов в формировании и описании языковых и культурных явлений в настоящее время не подвергается сомнению. К этому термину прибегают, решая вопрос об источниках приобретения знаний, языковых механизмах, участвующих в формировании разных типов знания [Косяков 2009: 3] и способах его вербального представления. Так, к языковым стереотипам относят суждения об

определенном объекте внеязыкового мира, субъективно представляющие предмет, содержащие описательные и оценочные признаки, являющиеся «результатом трактовки действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Андреева 2010]. Функцию стереотипов выполняют во многом идиомы, формулы, устойчивые сравнения, пословицы.

Под *стереотипным представлением* нами, вслед за В.В. Красных, понимается в данной работе «фиксированная ментальная “картинка”, являющаяся результатом отражения в сознании личности “типového” фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2002: 178]. Стереотипные представления во многом формируют и отражают наивную картину мира и потому привлекаются в качестве единиц, участвующих в описании языковых и культурных явлений. К таким фрагментам языковой картины мира могут быть отнесены и рассматриваемые в данной работе представления об осадках – дожде, снеге и граде.

Одной из форм реализации стереотипных этномаркированных представлений являются *лингвокультурные установки*, которые часто выявляются при анализе законченных суждений – в первую очередь, таких, как пословицы, которые привлекаются к анализу и в данной работе. В.Н. Телия, отмечая культурную значимость языковых единиц, их лингвокультурологический потенциал, понимает под установкой культуры «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик» [Телия 1999: 18]. Н.Н. Семенов говорит в своих работах, посвященных изучению паремий, о мировоззренческих установках национального сознания, в которые включаются образная репрезентация характеризуемой пословицей ситуации и её оценка [Семенов 2011: 217], некое одобряющее или порицающее отношение носителей языка к высказываемой в паремии идее или представляемой в ней модели поведения. Универсальные, культурные установки могут вербализоваться в разных языках особым образом, что определяется рядом лингвистических, прагматических и культурологических факторов.

Картина мира, понимаемая в общем смысле как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании» (З.Д. Попова, И.А. Стернин), лингвокультурологов интересует, в первую очередь, как

типичная для обыденного сознания определенного коллектива схема восприятия действительности, зафиксированная в языке [Яковлева 1994: 9]. Будучи одним из важных понятий лингвокультурологии, языковая картина мира получает разнообразные, но отнюдь не противоречивые трактовки. В данной работе под *языковой картиной мира* понимается вслед за О.А. Корниловым, запечатлённый в лексике и фразеологии национального языка так называемый «отражённый мир» – «проекция» внешнего мира, производимая этническим языковым сознанием и несущая в себе информацию об особенностях национальной ментальности [Корнилов 2000]. Языковая картина мира постигается за счет изучения разных языковых единиц, и фразеология в широком смысле – поговорки, пословицы, устойчивые сравнения – являются благодатным материалом, демонстрирующим особенности мировоззрения носителей языка [Максимовских 2009: 90].

Интерпретация фразеологизмов как культурных знаков осуществляется в рамках изучения *фразеологической картины мира*, которая в работе понимается как часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, где каждый оборот является элементом системы и «выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности» [Хайруллина 165: 13]. Вслед за Р.Х. Хайруллиной мы считаем, что фразеологическая картина мира представляет собой универсальную, т.е. имеющуюся в любом из языков, образную систему особых языковых единиц, передающих своеобразие национального мировидения.

Лингвокультурологический подход к анализу материала определенного языка, ориентированный на выявление национальной специфики в видении окружающего мира и в его языковом отражении реализуется преимущественно на фоне другого языка, что позволяет особенно наглядно представить этномаркированное в сопоставлении с универсальным, общечеловеческим.

В развитие *сравнительно-сопоставительного лингвокультурологического* и когнитивного *анализа* значительный вклад вносят работы, в которых данные русского языка рассматриваются на фоне материала английского, немецкого, шведского, словацкого, вьетнамского, японского, хорватского и др. языков – А.С. Алешина, Харри Вальтера, С.Г. Воркачева, М.Л. Ковшовой, И.В. Кузнецовой, Н.Н. Изотовой, В.А. Пищальниковой и В.В. Киселева, Ле Минь Нгок, Е.В. Ничиропчик,

Е.Г. Стешиной, Жельки Финк-Арсовски, Т.А. Эмих и др. Так, китайский исследователь Пи Цзянкунь рассмотрел оппозицию *правда-ложь*, вербализуемую паремийными средствами в двух языках, и выявил характерные для двух культур стереотипные ценностные представления, установки и эталоны. Им был разработан алгоритм лингвокультурологического анализа пословиц, включающего выделение ментальной установки лингвокультуры, репрезентируемой анализируемыми единицами, определение ее двойственности или однозначности, характеристику образа, лежащего в основе паремии, и пословичных биномов [Пи Цзянкунь 2014].

Выявление типичных представлений, аксиологических векторов, лингвокультурных установок, этнокультурных стереотипов и т. д., осуществляемое на материале устойчивых выражений – сравнений, поговорок, пословиц, дает яркое представление о специфике ментально-культурного осмысления значимых для носителей языка явлений окружающего мира. Так, И.С. Просвирнина и Шао Жуй, изучая устойчивые выражения в русском и китайском языках, отражающие представления о скромности, отмечают, с одной стороны, существенные черты сходства во фразеологии двух языков и близость используемых культурных кодов, а с другой – очевидное несовпадение выделяемых в двух языках классов фразеологизмов, паремий и метафор, их структурное, семантическое и стилистическое своеобразие, большую характерность китайских устойчивых выражений для письменной речи [Просвирнина, Шао Жуй 2013: 101].

О важности представлений об осадках, характеризующих важный фрагмент языковой картины мира, свидетельствуют как работы, косвенно касающиеся таких явлений, как снег, град, дождь, морось, иней и проч. [А.А. Чемерчева 2006, В.П. Васильев 2003, 2007; Е.Б. Рябых 2006, А. Мазурик 2006, И.А. Тарасова 2012, Т.Н. Тимкова 2013, М.В. Домбровская 2006], так и исследования, целенаправленно обращающиеся к изучению способов вербализации погодного кода в определенной культуре. Так, Н.Ю. Перфильева отмечает в русской языковой картине мира в качестве сущностных отличий концепта «Погода» такие черты, как статичность и нейтральная коннотация, «доминирующее восприятие в качестве решающего фактора, не подвластного влиянию человека», а в английской языковой картине мира, по ее мнению, реализуется признак процессуальности и ощущается негативная

коннотация, связанная «с неприятным, с тем, что нужно пережить» [Н.Ю. Перфильева, 2008]. Интересный подход демонстрируется в работе В.П. Васильева, анализирующего словную организацию когнитивного содержания концепта «Дождь» в русском языковом сознании и выделяющего различные его признаки физического, территориального, консистенциального, квантитативного, интенсивного, аксиологического свойства [Васильев 2007: 163-164].

Во второй главе «**Национально-культурные особенности вербализации представлений о снеге, дожде и граде в русском и китайском языках**» проводится лингвокультурологический анализ стереотипных представлений русских и китайцев об основных видах осадков – снеге, дожде и граде – с целью определения национально-маркированного и универсального.

В разделе 2.1. «*Стереотипные представления о снеге в русском и китайском языках*» анализируется – на основании данных лексикографических источников, включающих словари сравнений, поговорок и пословиц, а также материалов Национальных корпусов русского и китайского языков – совокупность представлений, связанных со *снегом* в русской и в китайской культурах.

Русский язык (2.1.1.) располагает довольно значительным рядом слов – названий явлений природы, связываемых со снегом, например: *буран* ('снежная буря в степи'), *капель* ('падение с крыши, веток капель тающего снега'), *позёмка* ('ветер, поднимающий слой снега с земли'); *мокрый снег* ('снег с дождем'), *снег крупной, крупчатый* ('снег пополам с мелкими градинками'), *мартовский ноздреватый снег* и др. [Русский семантический словарь 3: 62]. Представления о снеге вербализуются и устойчивыми оборотами – сравнениями, фразеологизмами, пословицами: *снег полоть, как снег в голову; Бабушка надвое сказала: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет.* В русском языке существует и немало загадок о снеге: *Скатерть бела, весь свет одела; На дворе в холоде горой, а в избе водой* ('снег'); *К божьему мясоеду гусей щиплют* ('снег идёт'); *Белый лебедь на яйцах сидит* ('поля, покрытые снегом'). Все это свидетельствует о важности стереотипных представлений о снеге, отражающихся в русской языковой картине мира. В толковых словарях русского языка снег квалифицируется как относящийся к осадкам (выпадающим сверху), имеющий белый цвет и особые форму и структуру («в виде белых звездообразных кристалликов или

хлопьев»). Существенным отличием снега от града и дождя является представление о нем в русском сознании как о способном образовать снежный покров (покрывало), лежать на земле, под ногами, образовывать толстый (глубокий) слой.

Отдельное внимание (2.1.1.1.) уделяется *представлениям о снеге, репрезентируемым устойчивыми выражениями русского языка и подкрепляемым данными современного дискурса*. Средствами русского языка репрезентируется весьма широкая шкала разнообразных признаков снега. Как единицы народного происхождения, весьма активны в фиксации зависимости между количеством снега и перспективой хорошего урожая русские пословицы: *Снег – крестьянское богатство; Больше снега на полях, больше хлеба в закромах; Снег глубок – хлеб хорош, зима без снегу – не быть хлебу*. Таяние снега весной обеспечивает землю обильной влагой: *Снегу надует, хлеба прибует; вода разольётся, сена наберётся*. Снег здесь воспринимается как залог обеспечения едой: крестьян – хлебом, а скота – травой.

Ассоциации снега с *большим, безграничным количеством* – одна из самых частотных; разные оценки восприятия и оценки этого множества отразились в следующих устойчивых выражениях: *как снега <зимой> – 'много'*; ср. в современном дискурсе: «За окнами поезда снега – как грязи, И грязи – *как снега зимой*. В соседнем купе отходняк у буржуев. Из радиоточки сипит Расторгуев, Что скоро вернется домой (Дмитрий Быков. Блаженство 2017. Poetry). Отсюда и развивающийся оттенок значения 'достаточность, избыточность', объясняющий появление иронической констатации и отрицательной оценки скупости, жадности человека через образ выпрашиваемого снега: *У жадного (скупого) среди зимы снега не выпросишь; не выпросить снег среди зимы у кого-л.* На этом же признаке основан и оборот о чьей-л. способности *продать снег зимой*, что является свидетельством редкой предприимчивости, так же, как и выражение *продать снег эскимосам*. Актуальность этих оборотов подтверждается многочисленными примерами современного дискурса.

В основу устойчивых выражений легли и такие признаки снега, как 'недолговечность, временность', объясняемая способностью 'таять', 'исчезать бесследно'. Ср.: *таять как снег <под солнцем>* (Поголовье

крупных животных *таяло, как снег* [Александр Грудинкин. Первые люди и последние мегазвери Америки; деньги *тают как снег под солнцем...*]; *Материнский гнев, что вешний снег: и много его нападёт, да скоро изникнет*. Недолговечность связывается как с первым снегом – он, как правило, не ложится сразу и надолго (*Исчезать как первый снег; Снег первый хоть и чист, да обманет – зима в одну ночь не настанет; Обманчив первый снег*), – так и с последним, апрельским: *растаять как апрельский снег*, где компонент *апрельский* ('поздний, несвоевременный, неспособный лечь толстым слоем') усиливает семантику 'быстрота исчезновения'. Ср. также обороты *искать прошлогодний снег, исчезнуть как прошлогодний снег*.

Как известно, русская парная баня предполагает процедуры, состоящие в чередовании горячего пара и резкого охлаждения. Об использовании для этого снега отразилось в пословице *Снегом да паром, так не будешь старым*.

Важным для русского языкового сознания оказывается и время выпадения снега. Так, национально окрашенными, отражающими русские народные традиции, являются пословицы, в которых прослеживается связь свадьбы и замужества с появлением снега: *Бел снег землю прикрывает, не меня ли, молодую, замуж снаряжают*. Первый снег обычно выпадает к 14 октября – Празднику Покрова Святой Богородицы, – когда становится холодно (*Покров – закрывай коров; Покров, натопи нашу хату без дров*), а цикл полевых работ к этому времени обычно заканчивался и до весны наступала пора отдыха, поэтому свадьбы обычно откладывались на осень; ср.: *Придёт Покров, девка голову покроет*. Значение оборота *покрыть голову* – 'выйти замуж, выдать кого-л. замуж' идет от традиции, согласно которой замужней женщине не пристало ходить с непокрытой головой. В выражении *Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком* отразилась, вероятно, и ассоциация белого цвета снега и фаты невесты как символа ее чистоты и невинности.

Белизна снега как наиболее яркий его признак лёг в основу сравнений *белый как <первый> снег, белее снега белого*, указывающих в речи на белизну самых разных предметов и явлений – стен церкви, материи и одежды, меха, соли, мебели, зданий, клубов дыма, цветущих деревьев и проч. Ср.: княжеский конь, *белый, как снег*. Признак белизны снега широко представлен и в поговорках: с одной стороны,

белизна противопоставлена «непитательности» снега и бесполезности в этом смысле: *Белый снег, да никто его <не>ест; Бел снег, да ногами топчут, черен мак, да люди едят; Снег белый, да не сыр, зять милый, да не сын.*

Белый цвет в русской культуре ассоциируется с чистотой (*чистый как снег*) Однако чаще это сравнение используется в переносном смысле, ассоциируясь с невинностью, чистотой помыслов, незапятнанностью. Ср.: *душа бела, как снег; Она была чиста, как снег зимой. В грязь соболя! Иди по ним по праву. Но вот мне руки жжет ее письмо, Я узнаю мучительную правду* (Владимир Высоцкий).

Неожиданность выпадения снега как первый знак приближения зимы – одно из регулярно вербализуемых представлений, несмотря на регулярность его появления каждый год. Оборот *как снег в (на) голову* приводится всеми словарями устойчивых выражений и очень активен в речи носителей русского языка: *Её бывший муж, только что овдовевший, свалился как снег на голову, и придётся с ним повозиться* [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света]. С этим связано и представление о важности своевременности снега как гарантии хороших урожаев: *Хороший тот снег, когда бывает во время своё.* Именно поэтому в иных условиях снег выступает в устойчивых выражениях как эталон бесполезного, излишнего, утратившего свое значение: *нужен как летошний снег; рад, что ланскому снегу* ('прошлогоднему').

В устойчивых выражениях отразились также толщина (глубина) слоя выпавшего снега (*Зимой съел бы грибок, да снег глубокий*), его водные свойства, «негорючесть» (*Если сумеешь взяться за дело, так и снег загорится, а не сумеешь — и масло не вспыхнет*), способность выпавшего снега замести, скрыть, утаить (*Снег всё скроет, метель занесёт*), ассоциация с холодом, низкой температурой (*Снег холодный, а от стужи укрывает*), связь с дождем (*снег – 'заменяющий зимой дождь' – В.И. Даль; На одном часу и снег и дождь*). Ср. выражение *Ну, был бы дождь, да снег помешал* – здесь оба природных явления воспринимаются как одинаково отрицательно влияющие на обстоятельства жизни человека.

Примеры современного дискурса расширяют картину вербализуемых представлений за счет признаков, не отмеченных в лексикографических

источниках либо иначе акцентируемых (2.1.1.2.). Так, для многих городских жителей снег нередко становится темой разговоров, связанных с необходимостью убирать тротуары и дороги, особенно во время обильных снегопадов, т.е. с создаваемыми им неудобствами. Говорящие, описывая время года и погоду, фиксируют выпадение снега и его таяние как знаки происходящих в природном цикле изменений – часто аномальных. По существу, снег оценивается с позиции его своевременности и уместности. Лексема снег демонстрирует широкую сочетаемость с глаголами, отмечающими количество, продолжительность, характер выпадения снега (снег *кипел, кружился, вихрился, летел*; снега *не досталось*, «делёж снега»), связанные с ним звуки или, наоборот, их отсутствие (*скрипит, повизгивает, трещит, хрустит* и др.), и с признаковыми прилагательными, характеризующими живописность снега, его восприятие говорящими (*серый, косматый, злоеущий* и др.). Цветовое восприятие снега может отличаться от признания за ним только лишь белизны. В реальной жизни снег может быть и грязным, и серым, и коричневым, поскольку он «соседствует» с человеком, осуществляющим разнообразные виды деятельности. Говорящие знают о таком свойстве снега, как липкость, возможность придания ему формы (*лепить историю, как снег*), ассоциируют его с радостным настроением или, наоборот, с унынием и скукой.

В подразделе 2.1.2. «*Осмысление снега в китайской культуре и его отражение в языке*» рассматриваются основные стереотипы, связанные с восприятием *снега* в китайском языке. Представления о снеге в двух лингвокультурах совпадают в таких аспектах, как связь снега с высокими урожаями, белизна снега (букв. о чем-л. «цвета снега, белоснежном»; «в волосах появился снег, а усы покрылись инеем» – ‘о седом’), способность сохранять на снегу отпечатки чего-л., выпадать в большом количестве (букв. «сыпаться хлопьями снега») и др.

Своеобразием отмечены ассоциация снега со стихами высокого стиля – выражение 阳春白雪 (букв. «белый снег солнечной весной») происходит от названия старинной мелодии и используется для номинации произведений литературы или искусства, возвышенных, утонченных, в отличие от 下里巴人 (букв. «Место и люди, где музыка написана») – в значении 'лёгкие жанры,

популярные, простонародные'.

Весьма типичным для китайской культуры является использование устойчивых сравнений с образом снега как эталона белизны для характеристики цветущих деревьев – сливы, груши, вишни: Недавно увидела цветы вишни из города Наньцзин, они красивые как облако, *как снег* [Сяо Мо. Память о путешествии в евре]; Несколько сливовых деревьев, пренебрегая холодом, одиноко цветут. Издалека узнаешь — это *не снег*, оттого, что доносится смутный аромат [Ван Аньши. Цветы сливы].

Этномаркированным представляется осмысление снега, с одной стороны, как эталона своевременно происходящего, уместного события (букв. «снегопад начался в своё время», т.е. 'вовремя'), с другой – как символа *бедствия, несчастья, трудных жизненных обстоятельств*. Ср. 雪上加霜 (букв. «на снег ещё и иней» – 'Несчастье за несчастьем'. Аналогичное представление реализуется в русской лингвокультуре с помощью образа дождя.

В разделе 2.2. «*Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках*» описываются устойчивые ассоциации с дождем как погодным явлением в разных его проявлениях, подтверждаемые данными словарей и современного речевого дискурса.

В словарях русского языка основное содержание слова «дождь» определяется как номинация 'атмосферных осадков в виде капель воды или струй, выпадающих из облаков' облаков'. Второе и третье значения русского слова связаны с семантикой «много»: 2. '*перен.* Множество, большое количество чего-л. падающего, сыплющегося', 'Множество, непрерывный поток, обилие чего-л.'; 3. *в знач. нареч.* дождём – 'Обильным потоком, во множестве; подобно дождю'.

Фразеологизм *золотой дождь*, используемый для наименования больших, неожиданно появившихся денег, также поддерживает семантику множественности, обильности – это, безусловно, главный признак, приписываемый дождю, в достаточно сложной и разнообразной системе ассоциаций и представлений.

Аналогия между большим (неисчислимым) количеством капель дождя и значительным количеством предметов, совершающих стремительное движение

(падение, полёт) в определенном направлении, чаще вниз, лежит в основе сравнения *валиться (сыпаться, лететь) как дождь (дождём)* – ‘О множестве чего-л. густо, плотно сыплющегося, летящего’; ср. также: *как дождя* чего-л. у кого-л. – ‘о множестве’. Речь может идти о различных предметах – как материальных (артефактах), так и неких абстрактных явлениях.

Весьма характерным для русского речевого дискурса является сопоставление с дождем падения в огромном количестве различного вида снарядов (Осколки *сыпались, как дождь* [А. А. Авдеев. Дневник] – аналогичное восприятие отмечено и для слова *град*. Речевые реплики разной прагматической направленности (комментарии, обвинения, замечания и проч.) также характеризуются оборотом *сыпаться дождем*.

В устойчивых выражениях проявился такой признак дождя, как непредсказуемость, неожиданность его начала и окончания (*появиться/ подняться как дождь* и *исчезнуть как дождь*; ср.: *как снег на голову*), способность вымочить попавших под него (*дождем не смочить* кого-л. – ‘о большом скоплении людей’; пословица *Мокрый дождя <а нагой разбою> не боится* – ‘о человеке, которому нечего терять’) и доставить тем самым неприятности: *ровно дождем намочило* кого-л. – ‘о нахмурившемся, нахохлившемся, надувшемся человеке’; *ходить как дождём прибитый* – ‘смутный, вялый’. Ср. также пословицы *Дождик вымочит, солнце высушит; Дожди мочат – не размочат*.

Отдельный большой блок составляют выражения, отражающие важность дождя для растений, для жизни: *Без дождя виноград не роден; Будет дождик – будут и грибки, а будут грибки – будет и кузовок; От бога дождь, а от дьявола ложь*.

В отличие от снега, для которого признак «температура», «холодный» является весьма типичным, дождь может характеризоваться антонимичными прилагательными, дающими позитивную или негативную оценку: *теплый, прохладный, холодный, леденящий, противный, мерзкий* и др.

Достаточно устойчива лингвокультурологическая установка «От дождя нужно прятаться укрываться»: *Дырявая крыша – от дождя не прибежище; Крытому боку и дождь нипочем*. В русских выражениях указывается на бесполезность сомнительного укрытия: *От дождя под бороной не спасешься (не*

спрячешься); *Поприкрылся цыган неводом от дождя*. Отсюда и обороты *Ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны; Ни от ветру затулья, ни от дождя покрышки* – со значением ‘о бесполезности принятой меры или неотвратимости чего-либо, беззащитности. На бедность, отсутствие самого необходимого у человека указывает выражение *Дождем покрыто, полем огорожено* – здесь вместо крыши над головой выступает сам дождь. Эти признаки вербализуются и в речи современных носителей русского языка.

В пословицах компонент *дождь* выступает и как символ неприятности, невезения, огорчения: *Наше счастье – дождь да ненастье* – ‘о невезучем, неудачнике; о невезении’; о смене одной неприятности другой – *Быть было ненастью, да дождь помешал* [Даль. Пословицы...]. Оба компонента – *ненастье* и *дождь* – обретают в составе пословиц способность передавать значение ‘печаль, плохое настроение, беда’: *На сердце ненастье, так и в ведро дождь*. Здесь хорошо ощущается семантическая связь между словами *дождь* и *ненастье*, образующими своеобразную синонимическую пару. Ср. пословицы: *У кого на сердце ненастно, тот хмур и в ясный день. Однажды дождь шел дважды* ‘двойное несчастье’, *тихой дождь* ‘длительное, затяжное несчастье’. Такое осмысление дождя наблюдается и в современном употреблении – например, в песне «У тебя на сердце дождь» (И. Круг, М. Круг), где дождь символизирует печаль. Осмысление дождя как опасности проявляется и во фразеологической характеристике смелого человека: *ни дождя ни облою не боится*. Та же ассоциативная линия лежит и в основе поговорок (*попасть*) *от дождя да в воду, от дождя да под капель* со значением ‘из одной неприятной ситуации в другую’, образованных по распространенной модели (ср.: *От волка бежал, да на медведя попал*).

Актуальными для говорящих являются и обороты *лить как из ведра, лить как нанятый* – ‘об обильно выпадающем, о продолжительном дожде’.

В подразделе 2.2.2. «*Осмысление дождя в китайской культуре и его отражение в языке*» описываются устойчивые ассоциации с дождем как погодным явлением, отмеченные в китайском языке. В китайской иероглифике в знаке дождя графически изображены падающие капли, а словарная трактовка слова близка к русской традиции: букв. ‘Дождь – это вода, которая выпадает из облаков на землю’.

В устойчивых выражениях китайского языка, зафиксированных в словарях, и в

материалах Национального корпуса китайского языка очевидно как положительное отношение китайцев к дождю, так и его отрицательное восприятие.

Дождь как природное явление (雨) приносит пользу крестьянам, занятым сельскохозяйственными работами: он поливает посевы и способствует получению хорошего урожая. В китайском языке с этим словом (иероглифом) существует много устойчивых выражений, свидетельствующих о важности хорошей погоды – с дождем: 雨我公田 (букв. «Пролей дождь на поля моего господина»). Понимание несомненной пользы дождя, позитивная оценка животворной влаги отразилось в сравнительном обороте 雨后春笋 (букв. «как побеги бамбука после весеннего дождя») – ‘появляться в большом количестве’. Дождь как залог успешного произрастания посевов, источник необходимой влаги, питания, развивает и переносное значение, поэтому в идиоматических выражениях дождь может символизировать «питательные вещества», «необходимую помощь». Понимание дождя как благодеяния, ниспосылаемого свыше, как проявления доброты, обнаруживается в обороте 惠泽雨施 (букв. «дождь идёт, милости ниспосылаются») – ‘о благах, получаемых от кого-л. в изобилии’. Восприятие дождя как своевременного, долгожданного и потому желанного – один из признаков, сформировавшийся за долгую историю хозяйственной жизни китайского крестьянина. Отсюда и трактовка дождя, легшая в основу переносных значений ‘приятный сюрприз’, ‘реализация давней мечты’.

Отрицательное отношение к дождю проявляется в следующих представлениях, вербализованных средствами китайского языка. *Дождь* как знак плохой, нежелательной погоды часто ассоциируется с ветром и поэтому мы встречаем в устойчивых выражениях комбинацию «дождь + ветер», обозначающую трудные погодные условия и – в переносном смысле – любые трудные жизненные ситуации. Это сочетание компонентов входит в обороты, ассоциируемые в сознании носителей китайского языка с неудобствами, трудностями, невзгодами, например: 风吹雨打 (букв. «порывы ветра и удары дождя») – ‘неприятности и невзгоды’. Сочетание ветра и дождя стало в китайской культуре символом **большой неприятности, несчастья**; ср. также: букв. «ветры и дожди (грозы) сменяют друг друга» – ‘несчастье за несчастьем, беда за бедой; сплошные беды’.

Как и в русской лингвокультуре, носители китайского языка видят в дожде проявление множественности, обильности. В первую очередь речь идет о жидкостях, каплевидных субстанциях: 泪如雨下 («слёзы полились из глаз, как дождь») – ‘горько плакать; рыдать’. В китайской культуре с дождем ассоциируется и значительное количество людей; ср. рус. *дождем не смочить* – ‘много людей’ и кит. 谋臣如雨 (букв. «мудрецов как дождя») – ‘чрезвычайно много мудрецов’. С потоками дождевой воды могут ассоциироваться и потоки крови.

В древнем Китае считалось, что во время дождя, когда неудобно заниматься полевыми работами, разумно принимать дома друзей, поэтому дождь с древних времен стал ассоциироваться с дружбой, встречей друзей. 旧雨重逢 (букв. «друзья ещё раз встретились во время дождя») – ‘вновь встретить старого друга’.

Дождь эмоционально окрашен в китайской культуре: он ассоциируется с грустью, печалью, тоской, что проявляется, например, в обороте 云愁雨怨 (букв. «облако тоскует, дождь жалуется») – ‘печальное настроение при разлуке’. Особое осмысление дождя как явления романтического обнаруживается в оборотах, связанных – благодаря китайскому преданию – с представлениями о любви, страстных встречах и разлуке.

Наш анализ позволил увидеть много общего в характерных для русской и китайской лингвокультуры представлениях о дожде (степень интенсивности и продолжительности; неожиданность, непредсказуемость; невзгоды, неприятности и т. д.), но также и этномаркированные представления. В русском языковом сознании отсутствуют ассоциации с малым результатом по сравнению с неоправданно большими усилиями, с разлукой, романтическим свиданием, любовью, с неудобством.

В разделе 2.3. **«Стереотипные представления о граде, отразившиеся в русском языке на фоне китайского»** представлен спектр признаков и ассоциаций, связанных с градом как метеорологическим явлением – как общих для двух языков и культур, так и этномаркированных.

На основе приводимых словарями русского языка прямых значений слова *град* можно выделить такие элементы стереотипных представлений, как ‘осадки’ (‘вода, выпадающая с неба’), ‘замороженный (дождь → лед, т.е. *дождь* <с>

градом), ‘мелкий’, ‘круглый (округлый)’, ‘частый’, ‘обильный (*сильный град*)’, ‘наносащий урон’ (*Градом побило посева*) [Русский семантический словарь 3: 144]. Всеми толковыми словарями приводятся переносные значения, реализуемые преимущественно в словосочетаниях. Однако если в словаре В.И. Даля переносное значение лексемы *град* – ‘множество, большое число’ распространяется только на «оружие», имеющее убойную силу (*град пуль, град ядер*) – с актуализацией сем ‘частота/ густота падения’ и порождаемой этой ассоциацией семантикой ‘опасность’, ‘гибельность’, то более поздние словари распространяют это значение на разнообразные предметы. Отдельно словари выделяют употребление слова в форме *градом* – чаще в сочетании со словом *пот*, но также и в иных сочетаниях со словами, обозначающими обильно, непрерывно стекающую крупными каплями жидкость: *Пот градом* – ‘крупными и частыми каплями’; *слезы градом* и *слёзы [катятся (льются)] градом* – ‘о чьих-л. крупных и обильных слезах, о сильном плаче, рыданиях’.

В русских пословицах отразился исключительно сельскохозяйственный аспект восприятия града: *Весной град – всякий рад* – в этой паремии град получает положительную оценку в отличие от выражения *Побило градом хлеб и у соседа, да тем мой не встанет* [Даль. Пословицы...], актуализирующего семантику ‘ущерб’, ‘гибельность’. Словарь устойчивых сравнений приводит обороты с эталоном *град*, отражающие преимущественно актуализацию признаков ‘обильный’, ‘частый’ и связь с военными ударами и физическими побоями.

В речи носителей русского языка частым является так называемое «речевое» значение лексемы *град* – ‘о последовавших в большом количестве речевых нападках на собеседника’, например: Тема работы и отношения к ней вызвала целый *град сентенций* блатняцкой философии. [Г.Г. Демидов. Амок].

Использование града как эталона в составе компаративных конструкций свидетельствует о том, что современными носителями русского языка образ града связывается с большой частотой появления чего-либо, с множеством мелких предметов округлой формы; ассоциируется с определенным шумом – проводится аналогия между рядом громких дробных звуков и стуком града. Отмечены в контекстах и семантические оттенки ‘холодный, ледяной’; ‘неожиданно’,

‘незаслуженно’; ‘бесполезный’; ‘отвесный’, ‘крупный’ – в необычном сравнении дождя с градом.

В большей части контекстов, где слово *град* выступает в сочетании с существительным в родительном падеже (*град неудач, молний, замечаний* и т. д.), проявляется отрицательная оценочная коннотация. Она ощущается иногда даже в тех случаях, когда, слова, входящие в лексическое окружение данной лексемы-эталона множественности, частоты, таких оттенков не имеют (*Я жил под градом забот и беспокойств* [Андрей Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза]).

Проведенный анализ позволяет говорить в каждом случае о преобладающих признаках, ассоциируемых с отдельными видами осадков. Так, осмысление града носителями русского языка осуществляется преимущественно в связи с его способностью наносить ощутимый ущерб посадкам и в связи с формой его выпадения (сверху) в виде большого количества ледяных шариков, иногда достаточно большого веса. Это привело к формированию таких векторов его восприятия, как ‘убойная сила’, ‘опасность, гибельность’, ‘множество’. Эти признаки затмевают по своей актуальности иные ассоциации, связанные с градом (‘низкая температура’, ‘круглая форма’ и др.).

В подразделе 2.3.2. **«Осмысление града в китайской культуре и его отражение в языке»** речь идёт вербализации стереотипных представлениях о граде средствами китайского языка.

Энциклопедическая трактовка града в китайских словарях мало отличается от той, что приводят российские словари, однако нельзя не заметить, что китайские источники особо отмечают ущерб, наносимый несвоевременным выпадением града. Град чаще всего воспринимается в китайском языковом сознании как природная катастрофа, его включают в список стихийных бедствий. Убойная сила града, направленного на определенный объект и способного нанести серьезный урон, отразилась в сравнении его с использованием пуль стрелкового оружия и иных снарядов. Ассоциации с градом проявляются в образном восприятии различных предметов, получающих «функцию оружия», способных наносить побои, причинять боль.

В китайской фразеологии отразилась ассоциация града с болезненными

ощущениями от ударов по голове, лицу: 雹来顺风走, 顶风就扭头。(Во время града иди по ветру, иначе в лицо бьют шарики града, т. е. ‘следует отворачивать голову в сторону’); выражение, используемое в сводках погоды, может быть воспринято и в переносном смысле – как важный совет относительно того, как себя вести при неприятностях.

Поскольку град чаще идёт летом и выпавшие льдинки быстро тают на земле, с ним связано представление о недолговечности, лёгшее в основу фразеологизма 电雹 (букв. молния и град) – ‘преходящее явление’ [Большой китайско-русский словарь]. С разгулявшейся природной стихией – сочетанием грома, молний и града – ассоциируется психоэмоциональное состояние человека: 雷霆电雹 (букв. Гром гремит, молния сверкает, идёт град) – ‘о человеке в состоянии раздражения, запальчивости, нетерпения, которое быстро проходит’.

Поскольку от погодных явлений во многом зависит возможность осуществления различных видов деятельности, ими может определяться физическое и психическое состояние человека, – снег, дождь и град не просто присутствуют в языковом сознании носителей языка как номинации наблюдаемых явлений, но активно и весьма разнообразно ими осмысляются.

Устойчивые выражения, рассматриваемые как средство фиксации стереотипных представлений, репрезентирующих этнокультурную традицию определенного народа, являются важным источником информации о погодных явлениях в целом и об осадках в частности. Привлечение контекстов, иллюстрирующих современный дискурс, позволяет увидеть более широкую палитру ассоциативного восприятия и осмысления снега, – в том числе и отдельные признаки, не отмеченные в лексикографических источниках. Такая совокупность данных позволяет говорить о целой системе образов, ассоциаций, стереотипов, весьма далекой от упрощенного типизированного представления о каждом из видов осадков.

В **Заключении** диссертации обобщаются результаты проведенного исследования.

Выявленные на материале устойчивых сравнений, поговорок и пословиц и подкрепленные данными языковых корпусов, стереотипные представления о снеге, дожде и граде различаются по количеству актуализируемых говорящими признаков.

Наибольшее их разнообразие отмечается в представлениях о снеге, наименьшее – в представлениях о граде. Однако близость их естественной природы очевидна: она проявляется в общности отдельных признаков и ассоциаций.

Тот факт, что стереотипные представления, отмеченные нами в устойчивых выражениях русского языка, почти все представлены в современном речевом дискурсе, – даже при том, что сами устойчивые единицы могли выйти из употребления (связанные, например, с успешностью полевых работ), – свидетельствует об актуальности отраженных ассоциаций, о том, что они действительно входят в круг важных представлений русских и китайцев об осадках.

В то же время некоторые представления об осадках, выявленные нами в речи современников, не отмечены в устойчивых выражениях. Это может объясняться, с одной стороны, спецификой единиц народной речи, фиксирующих в большей степени данные народного календаря, приметы, связанные с погодой, факторы, влияющие на получение хорошего урожая. Ассоциации же, связанные с городской жизнью, по вполне понятным причинам практически отсутствуют в устойчивых выражениях – единицах народного происхождения (катастрофичность обильного снега, необходимость чистки улиц и проч.). Не представлен в устойчивых выражениях лирический аспект восприятия осадков, в то время как в речи современников он весьма ощутим (ассоциации дождя с грустью, тоской). При этом отдельные современные обороты являются подтверждением общей тенденции к фразеологической интенсификации отмеченного в устойчивом выражении признака и его тиражированию (*продать снег зимой/ эскимосам*).

Материалы Национального корпуса русского языка и сети Интернет расширяют картину наиболее востребованных говорящими выражений и вербализуемых в них ассоциаций. Например, не отмеченное словарями выражение *мартовский снег* обретает устойчивость благодаря закрепляющимся за ним ассоциациям (ср. с прилагательными *рыхлый, пористый, тяжелый, податливый, мокрый, дряблый, гнилой*), формирующим представление о чем-то, что подошло к своему концу и неизбежно исчезнет (ср.: *Плачьте, дети! Умирает мартовский снег. Мы устроим ему веселые похороны* [Сергей Чесноков. Песенки в жизни персонажа]).

При сопоставлении данных двух языков, помимо универсальности отдельных

культурно-маркированных представлений, обнаруживаются и явления отсутствия одного из представлений в одном языке – при очевидной его важности в другом. Нами отмечены различия как в форме выражения стереотипного представления (пословицей, поговоркой, компаративной конструкцией), так и в характере вербализации определенного содержания – образной или безобразной. Так, способ репрезентации представлений, типичный для китайской лингвокультуры, характеризуется, в отличие от русской традиции, склонностью к яркой образности, поэтичности, недоговоренности, намёку. Ср. кит. 满城风雨 (букв. «в городе везде дует ветер и идёт дождь») – 'О пересудах, толках, шумихе'; 云愁雨怨 (букв. «облако тоскует, дождь жалуется») – 'о подавленном настроении, тоске, грусти'; *след гусей на снегу* – 'воспоминания о былом, следы прошлого' и др.

Особенно ощутима этнокультурная маркированность отдельных устойчивых выражений – как русских, так и китайцев – для понимания которых требуются знания экстралингвистического характера – об особенностях национального календаря (*Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком*), о старинных легендах и мифах («дождь в царстве Чу и облако над горой Ушань» – 'о любовном свидании') и др.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Ма Сянфэй*. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках (на примере устойчивых выражений) [Текст] / Ма Сянфэй // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4. – С. 128-135.
2. *Ма Сянфэй*. Понятие «град» в восприятии носителей китайского и русского языков [Текст] / Ма Сянфэй // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 98-102.
3. *Ма Сянфэй*. Слово «град» в современном русском языке (лексикографический и дискурсивный аспект) [Текст] / Ма Сянфэй // Мир русского слова. – 2017. – № 2. – С. 47-51.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации:

4. *Ма Сянфэй.* Представления носителей русского языка о снеге: устойчивое и индивидуальное [текст] / Ма Сянфэй // Язык, культура, этнос: к 65-летию юбилею профессора З.К. Дербишевой (Серия «концептуальный и лингвальный миры». Вып. 12). – Бишкек, 2017. – С. 123-129.
5. *Ма Сянфэй.* Устойчивые выражения русского языка как источник стереотипных представлений о дожде [Текст] / Ма Сянфэй // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка: материалы докладов и сообщений XXII междунар. научно-метод. конф. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. – С. 38-41.
6. *Ма Сянфэй.* Лексико-фразеологическая вербализация концепта «град» в русском языке (на фоне китайского) [Текст] / Ма Сянфэй // XLV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. – С. 118-119.

Ма Сянфэй

**Стереотипные представления об осадках в русской лингвокультуре
на фоне китайской
(на материале устойчивых выражений)**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Подписано в печать __.04.2018 г.
Формат 60x94/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.

Отдел новых учебных технологий СПбГУ
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11